

Екатерина II и «Сравнительные словари всех языков и наречий»

© А.Д. ИВИНСКИЙ,
кандидат филологических наук

В статье представлены «Сравнительные словари всех языков и наречий» (1787–1789) Екатерины II. Именно императрице принадлежит сама идея издания, она долго работала над составлением списка слов, который и стал первым вариантом «Словарей». Они рассматриваются в контексте филологических трудов императрицы.

Ключевые слова: Екатерина Великая, филологические труды императрицы, Паллас.

The article is devoted to Catherine II's «Comparative Vocabularies of all languages and dialects» (1787–1789). It was Empress's idea to publish this work, she worked on compiling the list of words, which became «Dictionaries» first version. It's described in the context of the philological works of the Empress.

Key words: Catherine the Great, philological works of the Empress, Pallas.

В 1787 году были напечатаны «Сравнительные словари всех языков и наречий, собранные десницею Всевысочайшей особы. Отделение первое, содержащее в себе европейские и азиатские языки. Часть первая». Вторая часть этого издания вышла в 1789 году. Исследователи неоднократно обращались к этому тексту [1; 2; 3; 4; 5; 6]. Однако до сих пор продолжают дискуссии о роли императрицы Екатерины II в его публикации. Можно констатировать, что оформилось два направления в изучении темы: одни ученые отказывают императрице

в авторстве «Словарей», выдвигая на первый план П.С. Палласа; другие, напротив, приписывают этот научный труд императрице. Остановаемся на нескольких наиболее показательных, с нашей точки зрения, работах.

Н.В. Бойко и Н.К. Ткачева назвали «Словари» «переводом» «фундаментального труда П.С. Палласа» [7. С. 8]. Исследователи либо не заметили, либо проигнорировали очевидное противоречие: «Словари» собраны «десницею Всевысочайшей особы Екатерины II» и при этом якобы являются «переводом». Говоря о «Словарях», проигнорировал Екатерину II и В.М. Алпатов; по его мнению, это издание Палласа: «В 1786–1791 гг. в Петербурге вышел четырехтомный словарь русско-немецкого путешественника и естествоиспытателя П.С. Палласа, включавший материал 276 языков» [8. С. 52]. А. Фаловски писал, что «⟨...⟩ у нас есть все основания полагать, что роль Екатерины II в возникновении вопросника не была столь значительной, как было принято считать до сих пор» [9. С. 22]. О.А. Волошина опубликовала статью с показательным для нашей темы названием «“Сравнительный словарь всех языков” Петра Симона Палласа» [10. С. 354–361]. По ее мнению, «знаменитый труд Палласа внес достойный вклад в становление российского языкознания». Именно он «составил и разослал по губерниям России, в Европу и Америку новую программу по собиранию слов и образцов разных языков». Это на «его воззвание откликнулись российские губернаторы, посланники, путешественники, а также иностранные ученые». Более того, «лингвистический материал удалось структурировать по предложенной Палласом схеме». Екатерина имела «полное доверие к его выдающимся способностям» [Там же] и возложила на него задачу по составлению «Словаря». Таким образом, в концепциях этих ученых места Екатерине нет. Паллас и автор идеи, и собиратель материала, и редактор издания.

Иначе на эту проблему смотрел, например, В. Томсен. С его точки зрения, главную роль в сборе материала и его издании сыграла именно Екатерина II, которая еще в молодости обратилась к лингвистике: «⟨...⟩ поворотный пункт всего более раннего периода в истории нашей науки характеризуется возникновением больших многоязычных словарей, которые печатались в конце XVIII и в начале XIX в. и целью которых было дать ⟨...⟩ всеохватывающую обработку и пополнение всего уже известного материала. Первый из этих словарей обязан своим изданием русской императрице Екатерине II, которая, будучи еще великой княжной, интересовалась составлением универсального глоссария. Она сама составляла списки слов, которые должны были переводиться на всевозможные языки и рассылала эти списки не только по России, но также и в другие страны русским посланникам и ученым других стран, чтобы перевести их на возможно большее

число языков» [11. С. 45–46]. Особо стоит отметить и работу М.Р. Кей, которая высоко оценила вклад Екатерины в мировую науку [12].

К. Шарф также остановился на вопросе о роли Екатерины в этом деле и, как представляется, точно расставил акценты: Паллас – «ассистент и эксперт», которого выбрала Екатерина. Он исполнитель, который «от поручения отказаться (...) не мог, а расположить материал по своему усмотрению ему дозволено не было» [13. С. 250]. При этом, однако, некоторые суждения Шарфа вряд ли могут быть приняты безоговорочно. Например, исследователь утверждал, что «оба именитых автора относились к плоду своей деятельности без особой страсти». На каком основании он сделал такой вывод, не очень ясно. Так или иначе далее Шарф утверждал, что Паллас «испытывал давление со стороны *нетерпеливой* (курсив мой. – А.И.) Екатерины» [Там же]. Казалось бы, «нетерпение» императрицы – свидетельство ее заинтересованности в этом труде. Это не единственное противоречие в работе Шарфа. Он отметил, что «публикация большей части собранного материала создаст *видимость* (курсив мой. – А.И.) успешного окончания предприятия (...) но (...) финал проекта получился куда менее величественным» [Там же. С. 259]. И далее: «Сотрудничество императрицы и Палласа пережило все расхождения во мнениях (...) и привело предприятие к достойному концу» [Там же. С. 262]. Хотелось бы понять, чем «окончание» проекта отличается от его «финала» и каково же оно: лишь по видимости успешное, неуспешное или достойное.

В такой ситуации важно понять, почему сосуществуют диаметрально противоположные оценки екатерининского вклада в лингвистику? Здесь ограничимся несколькими осторожными предположениями.

Во-первых, филологическому наследию Екатерины не повезло. Шестой том Собрания сочинений Екатерины II, подготовленного Я.Л. Барсковым и А.Н. Пыпиным [14], как известно, не был издан. Однако материал для него был собран и в настоящее время находится в фонде Я.Л. Барскова в РГБ [15; об этом см. подробнее: [16]. Так, в частности, ученый планировал напечатать два екатерининских текста: «I. Автограф, содержащий, по-видимому, первую концепцию “Сравнительных словарей”. По этому наброску, под влиянием “Mondeprimitive” [17], пошла, кажется, вся дальнейшая работа (...) II. Автограф, содержащий детальную разработку первых 54 слов (Бог – огонь) (...)» [16. С. 111]. Итак, Барсков обнаружил, что первая концепция издания была написана Екатериной II собственноручно.

Во втором пункте барсковского текста имеется в виду ключевой текст для нашей темы – хранящиеся в РГАДА «Отрывки Всеобщего Словаря Екатерины II» [18]. Это рукопись Екатерины II, объемом в 98 листов, представляющая собой проработку 54 слов, которые в дальнейшем станут основой «Словарей». Таким образом, мы не можем

утверждать, что идея структуры словарного текста принадлежит Палласу. Наоборот, есть серьезные основания утверждать, что последовательность была прямо противоположная: идея Екатерины – редактора и доработка Палласа, а может быть, и кого-то еще, о ком мы пока не знаем. Кроме того, отметим еще одно существенное обстоятельство: в рукописи императрицы (л. 2) говорится: «Послать к Булгакову реестр русских слов с тем чтобы посредством Александрийского и Иерусалимского патриарха старался получить Ефиопские и Абиссинские слова, написав погречески выговор оных» [Там же]. Так что, не Паллас, а Екатерина ведет проект, по крайней мере, на раннем этапе.

Во-вторых, в XIX–XX веках было принято с более или менее откровенным пренебрежением относиться к «псевдонаучным» исканиям галантного века – и труды Екатерины здесь, конечно, не могли стать исключением. «Обычно профессиональных лингвистов мало занимает тот вклад, который внесла в лингвистическую теорию европейская традиция более раннего времени; они увлечены совсем иной тематикой и работают в интеллектуальной атмосфере, невосприимчивой как к проблемам, стимулировавшим языковедческие исследования в прошлом, так и к добытым ранее результатам. Указанный вклад по большей части неизвестен современным лингвистам, а если они и знакомы с ним, то смотрят на него с нескрываемым презрением. Для многочисленных современных трудов по истории языкознания типична следующая позиция: “Все, что предшествует XIX в., еще не лингвистика и может быть описано в нескольких строках”» [19. С. 18–19]. Огромный вклад в дело «реабилитации» лингвистики XVIII века внесли Сильвен Ору и его единомышленники из лаборатории «Истории лингвистических теорий» в Париже [20. С. 5–21].

В-третьих, биографическая легенда подменила научный анализ. Из работы в работу кочует одно и то же утверждение, почерпнутое из переписки Екатерины с Циммерманом: императрица занялась «этимологией», чтобы утешиться после смерти фаворита А.Д. Ланского. Биографы тем самым подчеркивают «мимолетный», «поверхностный» интерес Екатерины к этим проблемам: «Мысль о составлении общесравнительного словаря с особенною живостью возобновилась в уме императрицы в такую эпоху, когда глубокая печаль заставляла ее искать развлечения в каком-нибудь новом и постоянном занятии. Это было летом 1784 года, после смерти А.Д. Ланского. Она решилась сама приступить к собиранию материалов для подобного глоссария. Вот собственный ее рассказ о зарождении самого предприятия – из письма ее к доктору Циммерману от 9 мая 1785 г.: “Ваше письмо извлекло меня из уединения, в котором я провела девять месяцев почти взаперти и из которого мне трудно было выйти. Вы никак не догадаетесь, чем я в это время занималась; для курьеза расскажу вам о том.

Я составила список от двух до трех сот коренных русских слов и дала их перевести на столько языков и наречий, сколько могла отыскать и число которых теперь переходит уже за вторую сотню ⟨...⟩» [21. С. 292].

Однако лингвистические вопросы начали интересовать Екатерину еще в то время, когда она была Великой княгиней [Там же]. В 1760-е годы она активно читала научную литературу. Об этом свидетельствует, например, ее «Заметка о книгах, которые следует перевести на русский язык». В этом тексте упомянуто около десяти лингвистических работ: «Dictionnaire de Boudot; Grand Dictionnaire latind’Etiéne; Thesaurus Eruditionis scholastica de Haber; Grammaire de Clenard redigéepar Vossius; ⟨...⟩ Grammaire de Port Royale; Grammaire d’Antisignanus; Dictionnaire de Scapala; Grand Dictionnaire grec d’Etiéne» [22. Л. 1]. Некоторые соображения о датировке «Заметки» можно высказать, опираясь на ее текст: в списке находится «Велизарий» Мармонтеля [Там же. Л. 4], переведенный императрицей и ее приближенными в 1767 году во время путешествия по Волге и напечатанный в 1768 году: из этого следует, что заметка не могла быть написана позднее первой половины 1767 года.

Принципиально важно также то, что императрица предложила и совершенно иное объяснение того, почему она решила начать работу над «Сравнительным словарем всех языков». К этой идее Екатерина пришла в ходе своих занятий по изучению древнерусских рукописей: «Слово “Зеница”, найденное мною в стариной одной Азбуке, подало случаю ко многоязычному словарю, а вот как “Зеница – зрение” в начале имеет те же литеры, с которых начинается слово “зрение” на разных языках, из чего вышло испытание иных многих слов, имеющие одинакие литеры начальные, следовательно, начало одно, а как приложить к тому переход литеры одново класа, едва ли не найдется ли устройство всех языков, исходящих из единого начального, начальной же сеи язык во всех языках» [18. Л. 3 об.].

Но дело не только в этом. Екатерининская лингвистика не может быть понята вне контекста ее исторических и литературных трудов. Один из главных – журнал «Собеседник любителей российской словесности», в котором она опубликовала свои «Записки касательно российской истории» и «Были и небылицы». В неопубликованной части «Былей» императрица обратилась к проблеме культурного статуса русского языка. Она подчеркивала его богатство и древность, которые ничем не уступают любому европейскому языку: «Славяне, победа весь свет, не единожды разнесли язык свой повсюду. Удивительно лишь только то, что были времена такие, в кои нас уверяли и мы уверены были, что в богатейшем и пространнейшем в свете языке нашем не находится слов для написания письма и заимствовали непрестанно из иностранных языков, даже до мелочных званий разных вещей» [23. С. 50].

Кроме того, из писем к Ф.М. Гримму 1783–1784 гг. мы знаем, что Екатерина активно занималась «этимологией»: «... Знайте, что мы теперь

заняты самыми странными разысканиями о древних славянах и что все имена, которые ничего не значат во всяком другом языке, имеют свои прекрасные значения на славянском; например, Ludwig, lud значит люди, dwig – идти (aller), это как бы: двигать, приводить в движение людей; Ramir или Radmir значит радующийся миру: Rad – радующийся, mir – мир (...) Я велела (...) достать мне словари, какие только я могла найти, между прочим финский, черемисский, вотяцкий, и этим наполнены все мои столы; кроме того, я собрала много сведений о древних славянах, и скоро я буду в состоянии показать, то они дали имена большей части рек, гор, долин, округов и стран Франции, Испании, Шотландии и других мест» [цит. по: 14]. Такого рода упражнениям Екатерина уделяла много времени, не уставая рассуждать о пользе сравнительного изучения языков и открывая все новые «соответствия» между «славянским» и языками романо-германской группы.

Поиск корней слов, желание понять значение слова путем сравнительного анализа языков – вот что интересовало Екатерину. Она полагала, что славянский язык является «материнским языком» всех других европейских языков. Филология у Екатерины фактически смыкалась с историей и политикой, причем образу истории, базировавшемуся на «этимологии», приписывалось важное общественное значение: он должен был служить двум взаимосвязанным целям – патриотическому воспитанию юношества и прославлению государства [24].

Не подлежит сомнению, что Екатерина II занималась «этимологией» на протяжении многих лет и даже десятилетий, и эти ее занятия были тесно связаны с ее постоянным интересом к истории. Далее, с учетом современного состояния источников, мы вправе утверждать, что именно ей принадлежит сама идея издания «Словарей» и что она много работала над составлением списка слов, который и стал их первым вариантом. Следовательно, у нас нет оснований ставить под сомнение прямое указание издателей словаря на ее авторство. В то же время роль Палласа в словарном труде приходится признать неочевидной или, во всяком случае, не проясненной в достаточной мере.

Литература

1. *Соболевский С.* Филологические занятия Екатерины II // Русский архив. М., 1869. Вып. 12.
2. *Маракуев В.* Петр Симон Паллас, его жизнь, ученые труды и путешествия. М., 1877.
3. *Круглый А.* Еще о филологических занятиях Екатерины Великой // Русский архив. М., 1879.
4. *Кенпен Ф.П.* Ученые труды П.С. Палласа. СПб., 1895.
5. *Булич С.К.* Очерк истории языкознания в России. СПб., 1904. Т. 1.
6. *Вомперский В.П.* Словари XVIII века. М., 1986.

7. *Бойко Н.В., Ткачева Н.К.* Петр Симон Паллас на русском языке // Петр Симон Паллас. Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Русского государства. М., 1999.
8. *Алпатов В.М.* История лингвистических учений. М., 2005.
9. *Фаловски А.* Славянские материалы в многоязычных европейских лексиконах XVIII века // Е.Р. Дашкова и XVIII век. От Российской империи к современной цивилизации. М., 2010.
10. *Волошина О.А.* «Сравнительный словарь всех языков» Петра Симона Палласа // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Нижний Новгород, 2012. С. 354–361.
11. *Томсен В.* История языковедения до конца XIX в. (Краткий обзор основных моментов). М., 1938.
12. *Key M.R.* Catherine The Great's Linguistic Contribution. Edmonton, 1980.
13. *Шарф К.* Екатерина II, Германия и немцы. М., 2015.
14. *Екатерина II.* Сочинения, на основании подлинных рукописей и с объяснительными примечаниями А.Н. Пыпина. СПб., 1901–1907. Т. 1–5, 7–12.
15. Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 16, к. 8, ед. хр. 2.
16. *Ивинский А.Д.* К истории собрания сочинений Екатерины II: почему не был издан шестой том // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. М., 2014. С. 106–125.
17. *Court de Gebelin A.* Le mondeprimitif. P., 1773–1782.
18. Российский государственный архив древних актов. Ф. 10. Оп. 1. № 382.
19. *Хомский Н.* Картезианская лингвистика. Глава из истории рационалистической мысли. М., 2005.
20. *Бокадорова Н.Ю.* Сильвен Ору и современная французская школа истории и эпистемологии наук о языке // Ору С. История. Эпистемология. Язык. М., 2000.
21. *Грот Я.К.* Сотрудничество Екатерины II в «Собеседнике» кн. Дашковой // Грот Я.К. Труды. СПб., 1901. Т. 4.
22. Заметка, писанная Екатериной II, о книгах, которые следует перевести на русский язык // РГАДА. Ф. 10. Оп. 1. № 427.
23. *Пекарский П.* Материалы для истории журнальной и литературной деятельности Екатерины II // Записки императорской Академии наук. СПб., 1863. Т. 3.
24. *Ивинский А.Д.* Литературная политика Екатерины II: «Собеседник любителей российского слова». М., 2012.